

Что, распротысь с тюремными стенами,
Могли бы в Фивах жить средь всяких благ
И знали, что я им смертельный враг
И что убить их я имею власть,
И все же поневоле эта страсть
Сюда на смерть их привела обоих.
Не дивное ль безумье увлекло их,
Которым лишь влюбленный заражен?
Взгляните же на них со всех сторон:
Прелестный вид, не правда ль? Все – в крови
Так им воздал сеньор их, бог любви.
Вот им достойная за службу плата,
А оба мнят, что разумом богаты,
Служа любви все жарче и бойчей.
Смешней всего, что та, для чьих очей
И начато все это шутовство,
Ничуть не благодарна за него
И ведает о распре их не боле,
Чем та кукушка или заяц в поле.
Но в жизни всё мы испытать хотим,
Не в юности, так в старости дурим.
Я признаюсь, что много лет назад
Служить любви и сам бывал я рад.
И знаю я, как зло любовь нас ранит
И как жестоко род людской тиранит.
И, бывши сам не раз в тенетах тех,
Я вам обоим отпускаю грех
Из-за горячих слез как королевы,
Так и Эмилии, прекрасной девы.
А вы теперь же поклянитесь мне
Впредь не чинить вреда моей стране.
Не нападать ни ночью и ни днем,
Но быть друзьями мне всегда во всем,
Я ж вам прощаю все бесповоротно».
Тут братья поклялись ему охотно,
Прося прощенья и вассальных прав.
И молвил он, прощенье даровав:
«Ваш род высок и велика казна,
Вам полюбись царица иль княжна,
Достойны оба вы такого брака,
Когда настанет время. И, однако
(Я говорю вам о своей сестре,
Подавшей повод к ревности и пре),
Вы знаете, что, спорьте хоть до гроба,
Венчаться с ней не могут сразу оба,
А лишь один, и, прав он иль не прав,
Другой уйдет, не солоно хлебав.
Двоих мужей возьмет она едва ли,
Как вы б ни злились и ни ревновали.
И вот я вам даю такой урок,
Чтоб всяк из вас узнал в кратчайший срок,
Что рок судил. Услышьте ж уговор,
Которым я хочу решить ваш спор.
Конечную вам объявляю волю,
Чтоб возражений мне не слышать боле